

ФИЛИП К. ДИК

ЭКСПОНАТ С ВЫСТАВКИ

Часть сборника: Электрические сны (сборник)

Филип Дик

Экспонат с выставки

«ЭКСМО»

1954

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дик Ф. К.

Экспонат с выставки / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1954

ISBN 978-5-04-091024-3

«...Он заплатил роботу за проезд, прихватил „дипломат“ и быстро зашагал по тротуару к Агентству по делам истории. Главное здание уже открыли для публики, одетые в комбинезоны мужчины и женщины уже бродили по выставкам. Миллер зашел в лифт для персонала, с трудом втиснулся между двумя здоровенными инспекторами из отдела Дохристианских культур, и лифт повез его наверх, на этаж Середины Двадцатого века...»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091024-3

© Дик Ф. К., 1954
© Эксмо, 1954

Филип К. Дик

Экспонат с выставки

Название рассказа: Экспонат с выставки (Exhibit Piece)

Название эпизода сериала: Настоящая жизнь (Real Life)

Рассказ впервые издан в журнале If за август 1954 года

* * *

– Что это на вас за странный костюм за такой? – поинтересовался механический водитель робовтобуса.

Машина отодвинула дверь и подъехала к тротуару.

– Что за круглые штучки? Для чего они?

– Это пуговицы, – охотно объяснил Джордж Миллер. – Они могут быть декоративными, но чаще имеют практическую нагрузку. Это старинный костюм двадцатого века. Я его ношу по долгу службы.

Он заплатил роботу за проезд, прихватил «дипломат» и быстро зашагал по тротуару к Агентству по делам истории. Главное здание уже открыли для публики, одетые в комбинезоны мужчины и женщины уже бродили по выставкам. Миллер зашел в лифт для персонала, с трудом втиснулся между двумя здоровенными инспекторами из отдела Дохристианских культур, и лифт повез его наверх, на этаж Середины Двадцатого века.

– Доброго утречка, – пробормотал он, приветствуя инспектора Флеминга у выставки атомного оборудования.

– И вам того же, – резко ответил Флеминг. – Миллер, послушайте, что я вам хочу сказать. Вот сейчас скажу – и больше этот вопрос поднимать не буду, так и знайте. Вот сами подумайте: а что, если бы все одевались так же, как вы? Между прочим, наше правительство, чтоб вы знали, устанавливает четкие правила насчет одежды, в которой могут появляться граждане. Черт бы побрал эти ваши анахронизмы, вы что, не можете обойтись без дурацкого маскарада? И – боже правый! – что у вас в руках?! Иисусе, да это же точь-в-точь раздавленная ящерица из юрского периода!

– Это чемоданчик-«дипломат» из кожи аллигатора, – объяснил Миллер. – Я ношу в нем бобины с данными для исследования. Между прочим, «дипломат» являлся важным символом статуса и авторитета в менеджерском классе позднего Двадцатого века.

И он щелкнул застежками, открывая чемоданчик.

– Вот вы, Флеминг, никак понять не можете. А ведь я приучаю себя к ношению вещей из исследуемого периода не просто так! Именно таким образом, в силу привычки, интеллектуальное любопытство трансформируется в подлинную эмпатию! Вы часто замечаете, что я некоторые слова произношу странно. А я, между прочим, имитирую акцент американского бизнесмена времен президента Эйзенхауэра! Ферштейн?

– Чего? – ошарашенно пробормотал Флеминг.

– Это я сленговое словечко из двадцатого века употребил!

И Миллер принялся выкладывать катушки на стол.

– Может, вам что-нибудь подсказать? А если нет, позвольте мне, пожалуйста, приступить к работе. Я тут обнаружил доказательства тому, что американцы Двадцатого века самостоятельно укладывали плитку, но – представьте себе! – вовсе не ткали одежду! Я бы хотел изменить кое-что в экспозиции...

– Все вы фанатики, все как один, – прокрипел Флеминг. – Ис-с-торики... копаются в пыльных артефактах двухсотлетней давности, а до настоящего вам и дела нет! В голове только всякие идиотские штуки, копирующие идиотские штуки из пыльного прошлого!

– А мне моя работа нравится, – примирительным тоном сказал Миллер.

– Да я ж не на твою работу жалуюсь! Просто есть же еще что-то, кроме работы! Ты же в социуме живешь и, как единица социума, имеешь политико-социальные обязанности! Так что, Миллер, считай, что я тебя предупредил.

В Совет Директоров уже поступали сигналы насчет твоих странностей. Нет, конечно, рвение на работе мы всячески приветствуем, но... – тут Флеминг красноречиво прищурился, – ты слишком далеко заходишь, Миллер.

– Да не будет у меня другого господина, кроме искусства, – торжественно произнес Миллер.

– Чего-чего?! Кроме кого-кого?

– Кроме искусства. Это слово из языка двадцатого века. – И Миллер оглядел собеседника с нескрываемым превосходством: – Вы просто крохотный винтик в огромной бюрократической машине. Функция безличного культурного сообщества. У вас нет собственных представлений о жизни. А в двадцатом веке у каждого человека были представления о прекрасном. О том, как и что можно делать своими руками. Они испытывали гордость, видя то, что мастерили. А вам эти слова ничего не говорят. У вас даже души нет – а это, кстати, другое понятие из золотого века, каким был век двадцатый, когда люди были свободны и могли говорить то, что думают.

– Миллер, не забывайся! – Флеминг даже побледнел от испуга и понизил голос. – Чертовы ученые... Живете, уткнувшись в свои катушки с лентами, жизни ни черта не видите! Смотри, доболтаешься до того, что нас всех из-за тебя по головке не погладят! Ты можешь сколько угодно носиться со своим драгоценным двадцатым веком. Но помни – прошлое, оно и есть прошлое. Оно прошло.

Все, нет его, похоронили. Времена меняются. Общество прогрессирует! – И он нетерпеливо обвел рукой экспозицию. – Это всего лишь неумелая имитация того, что там на самом деле было!

– Ты что же, подвергаешь сомнению результаты моих исследований? – взорвался Миллер. – Здесь каждый экспонат абсолютно историчен! Я регулярно обновляю экспозицию – по мере получения новых данных! А я о двадцатом веке знаю все!

Флеминг покачал головой и вздохнул:

– Бесполезно с тобой разговаривать.

И он развернулся и устало зашаркал к выходу с этажа, к эскалатору вниз.

Миллер степенно поправил воротник, подтянул узел яркого, вручную расписанного шелкового галстука. Оглядел на себе синий полосатый костюм и умело разжег трубку с двухсотлетним табаком. И вернулся к своим катушкам.

Да что к нему этот Флеминг прицепился, в самом-то деле? Флеминг... Воплощение официоза, представитель строго иерархической структуры, которая опутала всю планету серой клейкой паутиной... они запустили свои лапы в каждое здание, в каждый дом! Заводы, профессиональные сообщества, даже семьи – никто от них не избавлен! Миллер остановил стример, прекратив скормливать ленту машине, и лицо его приобрело мечтательное выражение. Какое было время! Эпоха индивидуализма и мужественности! Да, тогда мужчины были настоящими мужчинами, не то что сейчас...

И вот именно в этот момент, когда он начал проникаться несказанной красотой исследуемого периода, послышались странные, необъяснимые звуки. Они доносились от центра экспозиции, прямо из середины тщательно спланированного лабиринта экспонатов.

Кто-то забрался внутрь!

Он прекрасно слышал голоса – кто-то ходил среди интерьеров. Кто-то... или что-то. Так или иначе, этот непонятно кто сумел пролезть через барьер безопасности, отделявший экспонаты от публики. Миллер выключил стример и медленно поднялся на ноги. Его трясло с ног до головы, но он осторожно продвигался к экспозиции. Миллер отключил барьер и выбрался по лесенке на бетонную дорогу. Внизу, в проходе стояли посетители. Они удивленно заморгали при виде странно одетого человека, который пробирался среди всяких штук из двадцатого века – а потом и вовсе скрылся среди них.

Тяжело дыша, Миллер крался по «тротуару», затем свернул на тщательно выметенный и ухоженный гравий подъездной дорожки. Может, это кто-то из теоретиков, выдвиженец Совета Директоров? Рыскает тут в поисках компромата... Мало ли что тут можно нарыть... Где-то допущена оплошность, что-то неаккуратно смонтировано – и пошло-поехало. На лбу выступил пот, и гнев обернулся удушающим страхом. По правую руку – клумба. Чайные розы, низенькая поросль фиалок. За клумбой – влажный зеленый газон. Вон белоснежный гараж, дверь наполовину опущена. За ней – обтекаемый силуэт «Бьюика» 1954 года. А вот и дом.

Надо быть осторожнее. Если это и впрямь кто-то из Совета Директоров, его поступок может быть истолкован как противодействие официальной иерархии. Может, это кто-то из начальства. Возможно, сам Эдвин Карнап, Президент Совета. Самый высокопоставленный чиновник нью-йоркского отделения Всемирного Директората. Миллера трясло, но он поднялся по трем цементным ступеням и взойшел на крыльцо типичного дома двадцатого века, занимающего центр экспозиции.

Домик был милым и небольшим. Если б он жил в двадцатом веке, точно бы хотел поселиться в таком. Три спальни, одноэтажный, типичный калифорнийский проект. Он открыл входную дверь и вошел в гостиную. Камин у дальней стены. Темно-бордового цвета ковры. Диван, мягкое кресло. Низкий деревянный журнальный столик со стеклянной столешницей. Медные пепельницы. Зажигалка, стопка журналов. Торшеры – тоненькие, из пластика и металла. Стеллаж с книгами. Телевизор. Венецианское окно, выходящее в сад. Миллер прокрался в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.